

Вероника Мелан

Городские ПРОКАЗЫ

Серия "Город"

Вероника Мелан
Городские проказы,
или Что случилось в
День Дурака в Нордейле
Серия «Город»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24307016

Городские проказы, или Что случилось в День Дурака в Нордейле: 2016

Аннотация

Юмористический рассказ о том, что случилось с любимыми героями в Нордейле на День Дурака

Содержание

Антонио, Клэр и Смешарики	4
Тайра	10
Бернарда и Тайра	15
Лайза и Элли	26
Ани-Ра	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вероника Мелан Городские проказы, или Что случилось в День Дурака в Нордейле

Антонио, Клэр и Смешарики

– Клэр, любимая, вишенка на моем торте, что у нас с коржами?

– Допеклись, родимый. Сейчас вытаскиваю.

– Ну, и отлично!

Довольный Антонио с утра кружил по кухне, пребывая в великолепном настроении – черные глаза блестели, кончики усов закручены вверх, пухлые руки проворно порхали над многочисленными тарелками, мисками, мерными стаканчиками, пакетами с сахаром, мукой, ванилью, ореховым мускатом. Пока остынет основа, он как раз успеет приготовить зеркальную глазурь, а после займется тем, что любит больше всего – лепкой маленьких сахарных фигурок для украшения верхушки.

В этот день Антонио принял решение не ограничивать себя – эх, спой сердце и развернись душа – вылепит весь спец-

отряд! Да-да, и снайпера, и доктора, и сенсора, и всех их прекрасных девчонок – пусть порадуются! Праздник ведь? И не так важно, что День Дурака – не такой уж важный праздник, зато шумный и веселый – отличный повод, чтобы вечером собраться вместе. А когда каждый положит себе на тарелку вкусный кусочек, а после оближет пальчики, на повара привычно нахлынет такая волна удовольствия, которая не сравнится ни с одним другим ощущением на свете – удовлетворение, эйфория, триумф, полнейшее блаженство. Он смог! Вновь воплотил свой талант в творение, вновь вызвал в сердцах отклик, а на лицах восторг – он... он... исполнил свое высшее предназначение!

– Я в магазин, нам не хватило яиц и пудры.

В кухню вошла худая темноволосая женщина выше его самого (сей факт повара никогда не смущал), чмокнула Антонио в щеку, нежно потрепала по щеке и поплыла обратно к двери. Клэр, его ненаглядная Клэр – богиня вкуса, богиня сердца, теплейшая и нежнейшая женщина на свете!

Антонио был безраздельно счастлив.

Крем почти готов, мастика замешана, пищевые красители разложены, кисти вымыты и просушены. Прежде чем приступить к следующей стадии работ – добавлению в комбайн мягкого сыра, сметаны и лимонных капель, чтобы вышел чудесный терпкий мусс для прослойки, – Антонио двинулся к холодильнику и достал охладившуюся до правильной температуры бутылку вина. Хорошее настроение нужно отметить,

совсем чуть-чуть, но обязательно нужно. Для полета фантазии, для вдохновения, для бодрости ума и тела. Как любимы говорить вирранцы – «атэо ранци коли» – «пара капель впрок». Точно-точно, пара капель впрок никогда не повредит.

Стоило дверце холодильника издать привычный звук – отлипнуть от серебристой стенки и выдохнуть мягкое «ш-ш-ш-ш», как в кухню тут же вкатились всей гурьбой Смешарики.

– Тони! Я-гады! Я-гады!..

– Я помню.

Антонио усмехнулся. Этих проглотов уже кормили с утра, но Клэр давно выявила странную закономерность – если пушистых питомцев накормить до восьми утра, то в девять они закатятся в кухню снова, будто и не ели. Если накормить в девять, то приедут через два часа – в одиннадцать. А если первый раз накормить в одиннадцать, то нажрутся от пуза и завалятся спать на несколько часов – Клэр изредка пользовалась этим знанием, чтобы посмотреть телевизор на интересном для нее самой канале и в тишине.

Правда, в одиннадцать она уже становилась «тивной Лэр».

Угу, противной. Потому что изморила эту орду голодом.

– Я-гады! Тони! Я-гады!

Да-да, а сегодня их кормили еще до восьми, и потому в девять утра они снова кружили по кухне. Повар какое-то время смотрел то на нетерпеливых Смешариков, то на огромную миску с клубникой – то на Смешариков, то на миску, то на

Смешариков, то на миску, – и вдруг в голове его возникла хитрая идея – ведь сегодня День Дурака? А почему бы не подшутить и над ними, Фуриями? И ведь ингредиенты есть – мыслишка шальная, но притягательная, – да и на результат посмотреть интересно...

Он достал полную ягод миску и поставил на стол – меховые шары тут же протестуяще заголосили.

– Ам! Ам!

– Да ВАМ! Не сам же я все это есть собрался? А хотите, я вашу клубничку кое-чем украшу? Обмакну в ореховый крем, и она станет еще вкуснее.

– Тим! Ха-тим! Тим, тим, тим! Ем!

Крем.

Антонио крикнул от предвкушения и удовольствия. В крем-то он ягодки обмакнет, вот только перед этим кое-чего туда добавит – взрывной толченой карамели. Такая, попадая в рот и размокая, начинает сначала шипеть, а после взрывается во рту салютом – трах, бах, бум, бам! – настоящий тарарам! Вот любопытно будет посмотреть, что из этого получится.

– Рее!

– Да-да, быстрее.

– Рее!

– И еще быстрее...

Пока Фурии наматывали круги по полу, хитрый повар отыскал на полке порошок – для чего купил, неясно, но те-

перь хоть пригодится, – быстро всыпал его в бежевую сладкую массу.

– Тони! Я-гады!

– Я уже почти закончил.

Он обмакнул каждую клубничку в крем-сюрприз, разложил ягодки в три тарелки поменьше и поставил их на пол так, чтобы Фурии накиннулись на еду все разом.

И не успели предупредить друг друга.

Когда Смешарики приступили к трапезе, Антонио заговорщически улыбался.

Когда, запихнув в рот порцию лакомства, некоторые из них вдруг застыли, будто к чему-то прислушиваясь, его улыбка расплзлась шире. Когда первый из них услышал во рту характерное шипение, а затем треск, после чего золотистые глаза выпучились так, будто их обладатель не смог вовремя покакать, Антонио уже хохотал в голос.

– Ой, не могу! Умора! Вы такие умильные!

И понеслось!

Смешарики метались по кухне сумасшедшими шарами со встроенными ракетными ускорителями. В их ртах шипело, трещало, взрывалось салютом, бомбардировало, вело настоящую войну, и Фурии визжали. От изумления натыкались на стены, друг на друга, замирали, прислушивались – как только начинало трещать вновь, вновь ошалело голосили. Они изнемогали от шока и гомона всего минуту, а Антонио за это время едва живот не надорвал со смеху. На стул он опустил-

ся уже красный, как рак, вспотевший и все еще хохочущий – всё, день удался! И не важно, каким выйдет торт – теперь повар до самого вечера будет ходить на лице с блаженной улыбкой. А как посмеется Клэр, когда он ей расскажет, как посмеется!

Из кухни Фурии выкатились тихие, голодные, хитрые и нездорово притихшие. Явно чего-то задумали.

Ну и пусть, мысленно махнул он рукой, – ну, пошутят в ответ, подумаешь...

Через пять минут довольный вирранец уже отпивал из фужера свои «пару капель» впрок и всюду думал о том, в какую одежду оденет сахарных фигурок.

Тайра

Стив.

Чуткий, внимательный, глубокий. Удивительно нежный, спокойный, начитанный – во всем мире не нашлось бы другого такого человека, способного вызывать в Тайре бурно-огненное и в то же время томительно ласковое чувство любви. Ей хотелось обнимать его всегда – когда уходит на работу и возвращается с нее, сразу после душа и до него, во время завтрака, когда читает в кресле. Держать за руку в машине – она балдела от одного лишь соприкосновения их энергий.

То серьезный, то забавный, то молчаливый, то шепчущий ей на ухо нежности.

Она обожала его – этого чуткого рыжеволосого красавца, в котором с самого момента встречи души не чаяла, и который постоянно баловал ее подарками. То колечко купит замысловатое, то браслет, то за новой одеждой потащит в торговый центр и ухом не поведет в ответ на фразу «у меня все есть!». «Красивую женщину надо баловать часто» – всякий раз отвечал Стив и загадочно улыбался.

Вот и этим утром он не забыл оставить на кухонном столе сюрприз – несколько разноцветных птичьих перьев разного размера и странную загнутую медную музыкальную трубу непонятной конструкции. Не успела Тайра заварить чай, как уже принялась рассматривать найденное. Почему перья? За-

чем труба? А после вдруг вспомнила разговор двухдневной давности – вспомнила и расцвела. Он не забыл!

– Видишь мой сад?

– Вижу. Он прекрасен.

Пару вечеров назад они сидели на крыльце ее маленького, превращенного в цветочную оранжерею домика, слушали шелест утонувшей в сумерках листвы и смотрели на небо. Она заботливо укутана пледом, он с кружкой кофе в руках.

– Прекрасен, да. Только в нем мало птиц.

– Мало? А сколько тебе надо?

– Много! Хочу всяких разных – цветных, больших и маленьких. Я видела таких в городе – они так чудесно поют! Может, есть какой-то способ их привлечь?

Вместо ответа на ее вопрос любимый какое-то время молчал, думал. Затем неопределенно кивнул.

– Мы подумаем.

Ведь не забыл – подумал! И разложил для Тайры на столе цветные перья и нечто диковинное, а так же приложил записку:

«Любимая, помнишь, ты говорила, что хочешь привлечь в сад птиц? Используй то, что я для тебя оставил. Перьями нужно украсить себя, а валторну следует использовать всякий раз, как увидишь понравившуюся тебе птичку. Дунь в нее, птица услышит звук, и, если он придется ей по душе, позже она прилетит в твой сад»

Валторна?

Тайра совершенно забыла про чай. Что это за диковинный рог такой? Как именно нужно в него дунуть, чтобы понравилось птичкам? И куда нужно вставить перья – в волосы? Украсить ими одежду? Держать в руке? Нет, сказано – *укра- сить...*

Ух, ты!

Целый час Тайра умывалась, накладывала неброский и аккуратный макияж, расчесывала и заплетала волосы и прилаживала перья! Да так, чтобы равномерно по всей голове, чтобы не сдуло ветром, чтобы не потерять. В рог она тоже попробовала несколько раз дунуть – выходило не очень. Звук получался протяжным, довольно ровным и мелодичным, однако похожим на стон наступившего на колючку животного. Эдакий «У-у-у-у-у...» В общем, странный звук. Но если такой по душе птичкам, она не против – будет извлекать его всякий раз, как увидит понравившуюся пернатую красавицу. Главное, чтобы сработало.

Спустя полчаса, которые она потратила на попытку понять энергетическую взаимосвязь между звуком и птичьей аурой – тщетно, – Тайра вышла из дома.

Солнце сзади припекало юбку – коснешься ногами, и кажется, что сидишь одной половиной тела в бане, в лицо же дул свежий ветерок. День радовал. Паутиной трещинок на

асфальте, развевающимися волосами проехавшей мимо на велосипеде женщины, собачкой, которой пожилая дама, сидя на лавке, расчесывала длинную шерсть. Шагающая по улице Тайра щурилась от яркого солнца и разглядывала кроны – не увидит ли птаху? На этом дереве нет, на соседнем тоже, а вот откуда-то слева слышится трель – значит, ей туда...

Каждый раз, поддевая носком легкой сандалии древесную сережку, Тайра удивлялась. До сих пор не могла поверить в то, что живет в мире, где дорожки проложены асфальтом, а по бокам высятся растения. И ни тебе изнуряющей жары Архана, ни извечного песка в домах, ни выжженного добела безоблачного неба. Нордейл другой – густой, яркий, шумный, приветливый, чистый и совсем не жаркий.

На нее смотрели прохожие.

Сначала на нее, а затем... на перья. Правда, к странностям здесь относились терпимо – хоть рубашку шиворот-навыворот надень, хоть прозрачную юбку – что уж говорить о перьях...

Наверное, ими любовались, – гордо думала она, и при чужом взгляде на собственные волосы задирала подбородок еще выше. Пусть любят, красиво ведь. А когда Тайра увидела птичку зеленой окраски, тут же вскинула рог, нажала первую попавшуюся клавишу и, что было мочи, выдохнула в медный раструб весь запас воздуха в легких.

Птицу, как ветром сдуло. Разве что перья не посыпались. Зато заозирались прохожие.

Эх, наверное, это не частая практика, приманивать птичек – с первой совсем не вышло. Верно, звук извлекла не тот – надо бы потренироваться.

Следующие два квартала, наслаждаясь видом вокруг, Тайра вплетала в звуки города свои собственные – те, что извлекала из валторны.

«У-у-у-у...» – выла валторна на разных тонах.

«У-у-у-у...» – стонала, басовито гудела, пыталась помочь хозяйке.

«У-у-у... У-у-у, У-у-у...»

И еще несколько подозрительных взглядов, а-ля «все дома?» стали ей наградой.

Тайру чужая пристрастность не колыхала. Подумаешь, люди зачастую живут в запертых изнутри мыслительных коробках и нового не приемлют, а этот метод, наверное, не новый, а очень старый, давно забытый. Вот и смотрят косо.

Ничего, потерпят.

Зато рядом парк и много деревьев. Пока дойдет до Бернарды, как раз пройдет через него и даст сигнал паре десятков птиц о том, чтобы они прилетали жить в ее сад, где хорошо и красиво. В ее саду им обязательно понравится.

Бернарда и Тайра

Бернарда нашлась не дома, но на лавке через дорогу. Сидела на ней, взъерошенная, непричесанная, без макияжа, одетая в несочетающиеся между собой яркую майку с блестяшками и зеленые джинсы. Отпивалась кофе. Именно отпивалась – по-другому не скажешь. Держала в руках высоких пластиковый стакан, удивленно и подозрительно оглядывалась по сторонам, истребляла кофе по три здоровых глотках за раз. При виде Тайры заулыбалась, сделалась более-менее привычной.

– Привет! А ты чего с таким здоровым кофе сидишь, не выпалась?

– Выспалась? – слышалось в ответ. – Выспалась, блин, сейчас расскажу. А ты чего... с перьями?

Тайра смущенно переступила с ноги на ногу.

– Да вот, ... птиц хотела привлечь.

– Каких птиц?

– Обыкновенных. Хотела, чтобы они прилетели жить ко мне в сад.

– И для этого украсила себя, как индеец?

– Как кто?

Бернарда улыбалась. Живо и с любопытством рассматривала необычные украшения подруги, а затем уткнулась взглядом в зажатую в пальцах валторну.

– А это же...

– Ага, валторна.

– Точно! Я бы сама не вспомнила название. Здорово, мини-вариант! А зачем она тебе – хочешь играть в оркестре?

– Нет, птиц хочу привлечь.

– Ничего не понимаю...

– Сейчас расскажу. – Тайра опустилась на лавку и растерянно посмотрела на духовой инструмент. – Знаешь, мне кажется, она не работает. Понимаешь, пару дней назад мы со Стивом говорили о том, что мне бы хотелось, чтобы в моем саду было больше птиц, и он обещал подумать, как мне помочь. А этим утром оставил для меня перья, вот это (еще один разочарованный взгляд на рог) и записку, в которой написал, что эти вещи мне помогут. Но они не помогают.

Глаза Дины по мере рассказа распахивались все шире.

– И ты все это время дудела в нее?

– Ага.

– На улице?

– А где же еще?

– Прямо перед прохожими?

– Ну, да!

– Обряженная перьями?

– Да!

И Бернарда неожиданно расхохоталась в голос.

– Ты что, не помнишь, какой сегодня день?

Тайра какое-то время озиралась вокруг.

– Какой?

Хороший. Солнечный, ласковый, без дождя. Прекрасный день для прекрасных событий.

– Да сегодня же День Дурака!

– И что? Это такой день... шуток?

– Конечно!

– Значит, ... – в желто-зеленых глазах возник проблеск понимания, – Стив пошутил?

– А как же! Оставил тебе на столе странный «подарок» и ушел на работу хихикать, представляя, как сегодня ты будешь тешить народ на улице. А прохожие, наверное, думали, что ты проспорила какому-нибудь идиоту желание в карты. Хорошо хоть ослом не икала на каждой остановке, опускаясь на четвереньки.

– Значит, я... Значит, она и не должна была работать?

Валторна заслужила еще один полный удивления взгляд. Мимо лавки, покачивая сеткой с бананами, прошла полная женщина в панаме и солнцезащитных очках. Вокруг гудел довольный жизнью город, пахло свежескошенной травой с газона.

– Конечно, нет. Духовые инструменты предназначены для другого.

Тайра какое-то время кусала губы, – вот она задаст своему любимому перцу! Вот ведь найдет, как отплатить той же монетой.

– И я, как дурочка, дудела в этот рог зря? Тогда понятно,

почему у меня ничего не получилось, а то ведь я уже голову сломала. Думала, может, не туда перья засунула? Не так прицепила?

– Так. – Дина продолжала смеяться. – Они тебе идут, кстати. И вообще, не самая плохая шутка, если сравнить с тем, что случилось этим утром со мной.

– А что случилось с тобой?

– Что-что? Помнишь, с кем я вообще живу?

– С Дрейком.

– Да, с Творцом и Создателем всего сущего здесь.

– И?

– И иногда я об этом забываю. Знаешь, что он учудил? Вот ни в жизнь не поверишь! Представляешь, проснулась я этим утром в постели, а комната чужая. Да-да, другая, незнакомая и непривычная. Квартирка тесная, неубранная, рядом лежит голый мужик.

– Дрейк?

– Да если бы! Незнакомый мужик – сивый такой, конопатый. Бог ты мой! Знаешь, первым делом я подумала, что напилась накануне...

– Так ты не пьешь. Не в таких объемах.

– То-то и оно! А мужик этот спит. И еще во сне руку тянет, чтобы меня обнять. Знаешь, какой ужас я испытала, проснувшись? Мало того, что место чужое – полные провалы в памяти, – так еще и какой-то герой-любовник рядом. Которого Я НЕ ПОМНЮ!

– Это... ужасно.

Несмотря на деланный трагизм, Тайра едва сдерживала расплзающуюся на лице улыбку. Качались, будто насмехаясь над рассказом, растущие у лавки одуванчики.

– Не настолько, насколько ужасно мне стало дальше. Естественно, первым делом я потихоньку выбралась из кровати – вокруг пустые пивные бутылки, трусы женские...

– Твои?

– Да не мои!

– А чьи?

– Той женщины... Подожди, не перебивай. Так вот, выбралась я из кровати, шарахнулась в первую попавшуюся дверь, отыскала ванную, заперлась в ней и посмотрелась в зеркало. А там!

– Что?

Красивые губы Тайры приняли округлую форму буквы «О».

– А там, в зеркале, отражается незнакомая баба!

– Ты?

– Да нет же! То есть я, но не я, понимаешь? Память моя, мозг мой, движения мои, а тело нет! Обычно в зеркале я вижу себя, а в этот раз увидела незнакомую брюнетку – стройную, приятную, но какую-то... потасканную. Уставшую, что ли. С кругами под глазами, черной шевелюрой, ребра торчат, лобок...

Ди вдруг покраснела.

– Что?

– Небритый. Мохнатый такой.

– То есть в чужом теле с небритым лобком была ты?

– Да! И знаешь, что хуже всего? Не успела я очухаться и сообразить, что происходит, проснулся этот хмырь. Заорал через дверь, «ты тут, любимая?» Что-то плел про то, что приготовит нам завтрак, что сегодня мы едем к каким-то друзьям, что... Блин, ты представляешь, что творилось в моей голове? Я – не я. За дверью незнакомый человек, вокруг незнакомое место, а мозг плавится! Вот честно неприятное ощущение с утра.

– Да оно и после обеда бы приятнее не стало.

– Но с утра такое вообще плохо переносится.

– Так что было дальше?

– А дальше я все думала, что сейчас он войдет, наверное, попытается меня обнять или поцеловать, и тогда я огрею его по голове керамическим стаканом для зубных щеток.

– Или задушишь туалетной бумагой?

Тайра уже хохотала.

– Ага, смывалкой для туалета. Вот смешно тебе! А мне было совсем не смешно, между прочим. И только когда я решила, что сейчас «прыгну» в то место, которое знаю – вот плевать, что я в незнакомом теле, плевать, что может не получиться – я решила, что всяко получится, – вот тогда иллюзия и рассеялась.

– Так это все было иллюзией?

– Говорила же тебе! Я иногда забываю, с кем живу, а сегодня День Дурака! Вот Дрейк перед уходом на работу и подшутил – создал то ли в моей голове, то ли в комнате странный антураж, в который я поверила, как в реальность. И пока не решила «прыгнуть», продолжала в нем находиться. Ужасная шутка! Ужасная, да еще и с самого утра. Знаешь, лучше бы я получила валторну и перья, чтобы привлекать птичек – хоть безобидно. Лучше бы проснулась на необитаемом острове, чем вот так... Вот он, наверное, хохотал у себя на работе.

Тайра смеялась, закрыв лицо руками. Понимала, да, ужасно, да, так ведь можно и свихнуться, но смешно. А Ди все сокрушалась.

– Знаешь, а ведь все выглядело таким реальным – это тело, стены, кафель в ванной. Мятая постель, солнечный свет через окно, которого не существовало на самом деле. Дурдом.

– Вот тебе и очередной опыт по трансформации реальности.

– Ага. Насильной. И ведь, когда все растворилось, и я оказалась стоящей голышом в собственной ванной, позади меня в воздухе качалась надпись «С добрым утром, любимая!» Шутник! Я ему тоже устраю сегодня добрый день. Вот только придумаю, как именно, и тоже устраю.

– Так он же Творец?

– И что? Чувство юмора у него отсутствует? Нет. А, если

так, значит, посмеемся и мы.

Тайра впервые созерцала подругу, пыхтящую, как паровоз. И теперь стало понятно, почему первая попавшая майка и джинсы, почему не расчесаны волосы и для чего понадобилось столько кофе.

– Ты просто не хотела идти в другие комнаты, да? Бернарда качнула головой.

– А ты бы хотела?

– Наверное, нет. Нет. Точно нет.

– Вот и я – «нет». Дошла до кладовки, где хранятся старые вещи, а в спальню не сунулась – вдруг бы там очередная иллюзия? С меня уже одной хватило.

И она, осыпанная пробивающимися сквозь тяжелую кроу солнечными бликами, покачала головой.

– Я ужасно выгляжу, да?

– Ты в любой одежде красивая. Даже в старой.

Добрая ухмылка, неверие и смешливые чертики в глазах.

– Ужасно, я знаю. Не успела ни умыться, ни накраситься, и оделась во что попала.

– Ну, не голая же.

– Угу. И не брюнетка с торчащими ребрами.

– И небритым лобком. Значит, день задался?

– Значит, задался.

Они сидели на лавочке и улыбались солнечному дню – встрепанная Бернарда и украшенная перьями Тайра.

Для завтрака подруги выбрали «Дон Туррато» – маленькую уютную пекарню с небольшим залом на восемь столиков – заказали по фирменному утреннему блюду, состоящему из яичницы, жареных тостов с ароматным маслом, стаканчику йогурта и сладкой булочки; взялись за еду.

Распиливая надвое улыбающееся кетчупом лицо глазуньи, Тайра продолжала вспоминать недавний рассказ.

– Слушай, а если бы ты все-таки прыгнула из этой иллюзии? То оказалась бы голой на улице?

Ди первым делом взялась за йогурт.

– Ну, я бы прыгала не на улицу, я думаю, а в особняк к Клэр.

– Так там ведь сегодня Антонио готовит торт.

– Не в моей же спальне?

– А ты уверена, что, едва соображая, ты прыгнула бы к себе в спальню?

– Знаешь, я ни в чем не уверена. И хорошо, что прыгнуть я не успела, а то потешила бы своим голым видом того, кто попался бы на пути. И тогда бы Дрейку точно несдобровать. Слу-у-ушай!

Осененная идеей, Дина вдруг просветлела лицом:

– Я знаю, как отомстить Дрейку! Он мне иллюзию, и я ему тоже. Создам кое-что. Только нам ведь сначала на Архан за

супом, а потом обратно – сил останется меньше. Поможешь мне после этого набрать энергию?

– Конечно. Только не говори ему, что я тебе помогала.

Тайра хихикала.

– Как будто он сам не увидит.

– Ладно, если День Дурака, то все можно – наверное, не будет ругаться. Не должен.

– Да, не будет, – Бернарда махнула ложкой. – Он прекрасно знает, что любое действие рождает ответное действие.

– И какое в твоём случае?

– Об этом позже. Ты мне лучше объясни вот что – каким образом на наших ребят, ты думаешь, подействует суп из паутинны? Ты ведь говорила, что это галлюциноген?

Тайра, улыбаясь, откинулась на стуле, промокнула губы салфеткой:

– Да, но не сильный. Он по большей части сильно расслабляет, заставляет думать о хорошем. И еще верить.

– Во что?

– Ну, в то, что видишь.

– То есть, если Элли и Лайза тоже создадут нашим друзьям какой-нибудь антураж, а предварительно накормят их этим супом, ребята в него поверят?

– Обязательно.

– Вот хитрюги – они точно что-то задумали. Всю неделю меня спрашивали о том, можно ли с Архана доставить твой диковинный суп, а я взяла и согласилась. Может, зря?

– Это наркотик природного происхождения, он очень слабый. Не волнуйся, под действием супа люди не становятся агрессивными и не совершают глупостей, просто верят тому, что видят, отдыхают и расслабляются, потому и принимать его рекомендуют в уютной красивой атмосфере.

Когда йогурт, яичница и тосты были съедены, Ди придвинула к себе кружку с чаем.

– Значит, сначала на Архан? Или переоденем меня во что-нибудь более подходящее?

– Для Архана нет ничего более подходящего, нежели наши тулы. А их я уже погладила, так что не беспокойся.

– Ясно, – морщинка беспокойства между бровями разгладилась. – Уже придумала месть Стиву?

– Нет еще. Но уверена, что под жарким солнцем Руура мне в голову придут замечательные идеи.

И темноволосая Тайра загадочно блеснула глазами, в которых Бернарде все еще чудился отблеск медной валторны.

Лайза и Элли

– Будете брать?

– Буду.

На прилавок легло роскошное серебристое платье, которое Лайза только что надевала в примерочной, и которое сразу же не пожелала снимать. Какой материал, какой фасон – село, как влитое. Сегодня вечером ее ненаглядный Мак будет думать лишь об одном – как бы побыстрее оказаться в уединенном месте, расстегнуть сзади молнию, стянуть расшитую ткань с груди на талию, задрать повыше подол и...

О-о-о, ей уже хотелось стонать – прямо здесь и сейчас. И почему они решили ждать до вечера?

Желание стонать, однако, прошло, стоило взглянуть на кудрявую кассиршу, которая непонятно отчего морщилась. То терла переносицу рукой, будто хотела чихнуть, то отводила взгляд в сторону, то вновь смотрела на покупательницу, нетерпеливо ожидая, пока та достанет кошелек.

– Карта или наличные?

– Наличные.

Лайза погладила кончиками пальцев мягкую на ощупь ткань, вспомнила, с каким приятным ощущением та льнула к телу, представила, как совсем скоро будет наслаждаться полными обожания взглядами Мака...

– Вы могли бы побыстрее?

– Да-да, я уже достала.

Кассирша выказывала откровенное нетерпение и продолжала морщиться не то от желания сходить в туалет, не то от отвращения. А, между прочим, возле прилавка действительно неприятно пахло – чем-то кислым. Не то прелой влагой плохо просушенного и наспех закинутого в шкаф (полусырым) полотенца, не то высохшей на полу мочой.

– Вы тоже это чувствуете?

Лайза взглянула на кудрявую рыжую девицу, подняла новое платье с прилавка и понюхала его.

Кассирша удивилась и оскорбилась одновременно.

– Это не от нашего товара!

– А от чего?

На всякий случай был исследован полиэтиленовый пакет, в который Лайза собиралась положить покупку – тот пах сухим пластиком. Хм, как странно. Писают они тут по углам, что ли? Не доходят до туалета, мочатся себе под ноги? Вариант «это пахнет от меня» Лайза даже не рассматривала – этим утром она приняла душ, вымыла волосы, тщательно побрилась и подбрилась, нанесла на подмышки сухой гель-антиперсперант с запахом розы, сбрызнулась любимыми духами.

А теперь стоит тут и нюхает... не пойми что.

– Да уж, действительно, стоит побыстрее.

Прежде чем расплатиться за покупку, она еще раз понюхала платье. Морщилась, к слову говоря, и стоящая позади

женщина – в очереди за Лайзой она выстояла всего минуту, после чего отошла вглубь зала и притворилась, что изучает женский манекен в броском топике и юбке.

Нет, им точно не стоит писать под прилавок. Или мыши у них тут по углам гадят?

Звякнул и проглотил купюры выдвижной поддон, касса неторопливо показала бумажный язык-чек.

Лайза схватила его, сунула в пакет к платью и пригрозила:
– Если дома оно будет пахнуть так же плохо, как этот магазин, я верну товар.

– Наш магазин так не пах...

«До вашего прихода» – читалось на лице наглой рыжей девицы.

Секунду или две Лайза раздумывала, а не «пыхнуть» ли ей вулканом – не взяться ли за жалобную книгу, не настроить ли в ней пару ласковых строчек, – но решила не портить себе праздничное настроение. В конце концов, это не ей весь оставшийся день стоять у кислой и протухшей кассы, не ей вдыхать отвратительный запах пролитого вина и неоттертой блевотины. Ужас! В общественных местах ни в кое случае не должно так пахнуть!

А запах, между прочим, усиливался.

Точно она под себя там сходила что ли эта рыжая?

Из бутика «Монтини» Лайза выбежала на всех парах, решив, что никогда в жизни сюда не вернется, даже если единственным местом на земле, куда завезут новые платья, будет

это место.

Ну, уж нет. Никогда и ни за что!

Весело цокали длинные каблуки, развевался подол легкой юбки, обвивал коленочки, звякали бусы, щекотали шею волосы – миссис Аллертон пребывала в отличном настроении. То и дело ловила на себе восхищенные взгляды, которые, однако, за спиной нередко становились удивленными – она пару раз засекала это в отражении витрин. Что, у нее сзади прикреплена бумажка с плохим словом? Нет. Пришлось еще раз прокрутиться на триста шестьдесят градусов вокруг своей оси перед зеркальной колонной – бумажек нет, похабных слов тоже. Так чего мужики сначала восхищаются, а потом у них вытягиваются лица?

Странно.

А неприятный запах, между прочим, все еще присутствовал.

Блин, они что, весь торговый центр проссали?

Вроде бы в прошлый визит он так не пах.

Еще неприятнее ситуация случилась в «Шоко-Моко», куда она завернула, чтобы выпить чашечку кофе и насладиться пирожным. Спустя несколько минут официант тактично попросил Лайзу пересесть к окну – мол, там удобнее. Уединеннее.

УЕДИНЕННЕЕ?

Вокруг шушукались люди.

Она что, дряхлая бабка, которой требуется поразмыслить над жизнью в одиночестве? Или несчастная, зареванная от неудавшейся любви морда, на которую неприятно смотреть посетителям? Нет, она красивая молодая женщина, с которой любому приятно находиться рядом.

Было приятно.

Раньше.

А мочой, блин, все еще пахло.

И тогда, именно после просьбы официанта, Лайза впервые допустила мысль о том, что так противно пахло... от нее.

Нет, быть не может. Не может такого быть и все. ПРОСТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ.

Она мылась, терлась мочалкой, втирала в кожу миндальный лосьон, пользовалась кокосовой маской для волос, деодорантом, духами, наконец!

ТЬФУ!

Из кафе она вылетела еще быстрее, чем до того из «Монтини».

Блин... не может быть... от нее?

А люди продолжали озираться вслед, и озираться не с привычным восторгом в глазах, а с удивлением, немедленно сменявшимся на отвращение. О, Боги-Боги, чем же она таким пахнет? И, значит, зря грешила на кудрявую кассиршу и бутик, значит, зря ругалась с официантом... ох!

Да быть этого всего не может...

Когда Лайза выбежала на парковку для такси, она в который раз за день пожалела, что решила в этот день прогуляться на своих двоих.

«Блин, лучше бы взяла Мираж... Даже если бы он после провонял, оттерла бы. А как теперь в такси?»

Таксист ей попался бронебойный. Когда она сообщила, что наступила в отходы и оттого неприятно пахнет (из-за чего согласна платить тройную цену), он просто кивнул.

Однако – противная-усатая-наглая-гадкая-рожа – он тоже всю дорогу до дома Элли морщился от отвращения. Тьфу!

* * *

– Элли, понюхай меня! Я не понимаю в чем дело, везде понюхай!

– Ты... совсем уже?

Эллион выпучилась так, что сделалась похожа на рыбу.

– Ну, понюхай!

Подруга осторожно наклонилась вперед, затем застыла, затем еще ближе – к самой шее, – а потом отклонилась назад с таким лицом, будто только что нюхнула переквашенной на сорок раз капусты.

– Лайза, фу-у-у... Ты чего, обмочилась по дороге?

– Я?! Так это все-таки от меня так несет?

– От тебя. Ужасно, между прочим. Как от старой бабки, которая давно забыла, что туалет находится не у нее между

ногами.

– Вот спасибо! И что, я так пахла везде? В бутике, потом в кафе... И каждый, кто шел мимо, видел меня, а вдыхал ссаную бабку?¹

У Лайзы дрожал подбородок, а грудь теснили противоречивые чувства – обида, злость, горечь, расстройство.

– Я ведь... ведь духами с утра. Любимыми. И они даже нормально пахли... А потом...

– Потом начали вонять?

– Да! Блин, кто такое мог сделать, а-а-а?

Элли улыбалась – мудро, прохладно и довольно едко.

– Мак.

– Что-о-о-о?

– День Дурака, забыла? Неделю назад они обсуждали вещество, которое можно добавить в любые духи, и которое через некоторое время съедает «хороший» запах, а оставляет после себя вонь. Еще хотели Эльконто втихаря этим набрызгать, помнишь?

– Не-е-ет... Ну, не-е-ет! НУ, НЕ-Е-Е-Е-Т!

С каждой секундой Лайза зверела, как получивший перца под зад вепрь.

– Ма-а-ак?! Это он меня так подставил? Вот... скотина! Вот я ему задам! Налить в мои – МОИ – духи эту гадость? Чтобы я с утра позорилась перед сотней людей?

¹ О подобных «бабках» ребятам из спецотряда однажды рассказывала Бернарда – здесь и далее примечание автора.

Элли, между прочим, морщилась тоже.

– Воняешь ты и правда знатно. Но он, наверное, не знал, что ты пойдешь по магазинам? Думал, сразу ко мне?

– Это не спасет его от расплаты, – весело и зло улыбнулась Лайза. – Ох, не спасет!

И бросила в коридоре пакет с платьем.

– Слушай, у тебя можно помыться?

Элли рассмеялась.

– У меня НУЖНО помыться. Потому что, если ты сейчас не помоешься, я упаду от твоей красоты в обморок.

– Ага, как почти валились штабелями мне вслед все те люди, которые шли мимо. Ну, гад, ну, я ему устрою, ну, он у меня попляшет...

Всю дорогу до ванной комнаты, а после и из-за закрытой двери, пока тщательно мылась, Лайза, не переставая, изрыгала проклятья.

* * *

Спустя двадцать минут, после того, как использовала все имеющиеся у подруги косметические средства, Лайза сидела на кухонном стуле, терла полотенцем влажные волосы, и пыхла, как паровоз:

– Нет, ну надо было испортить мои любимые духи! Я ему... я... ему... Блин!

Достойная проказы месть все никак не шла на ум, а Элли

смеялась:

– Ну, мы же уже придумали, как подшутим над ними сегодня. Все идет по плану: Бернарда и Тайра принесут нам суп, накормим, подменим им кольца, и заснимем все это на камеру. Поверь, над этим видео еще обхохочутся все остальные – животы надорвут, вот увидишь!

– Ага, что-то я не думаю, что этого будет достаточно.

– Будет-будет! А я еще сомневалась, стоит ли над ними экспериментировать – теперь точно знаю – стоит!

Белокурая подруга впервые столь едко улыбалась.

– А ты с чего вдруг перестала сомневаться? Из-за меня?

– Из-за тебя. И из-за себя. Думаешь, над тобой одной этим утром подшутили?

В руках Лайзы застыла чашка с чаем, а в глазах заплескалось любопытство:

– Что, и над тобой уже успели?

– А как же!

Просторная кухня, солнечный свет, разложенные на тарелке бисквитные пирожные и полные решимости отомстить глаза Элли вдруг вернули Лайзе хорошее расположение духа.

– Ну-ка, расскажи, что с тобой случилось?

Одетая в голубую футболку и леггинсы Элли опустилась на соседний стул и фыркнула:

– Я, знаешь ли, до твоего прихода тоже пыхла чайником. И все из-за письма, которое получила утром. Из-за заказа.

– Все, жду подробностей!

И Лайза, с головы которой сползло набок мокрое полотенце, наклонилась вперед, подперла подбородок руками и жадно уставилась на подругу – приготовилась слушать.

Оказывается, этим утром Элли получила почтовый конверт – заказ по работе. Подробное описание на создание для влюбленной пары, переехавшей в новый дом, витража. Обычное дело, в общем-то – ей приходило много таких. Некий Улла Хендерсон и Кайла Бойти просили сотворить для них воплощенный из разноцветного стекла портрет. Что может быть необычного? Ничего. Кроме того, что пара просила изобразить их... голыми.

– Голыми, представляешь? Витраж, на котором за руки держится голый мужчина и голая женщина.

Лайза хмыкнула.

– Ну, мало ли, у кого какие причуды?

– Да вроде бы так, хотя раньше меня подобного сделать не просили. И я, как дура, целое утро читала детали заказа – каким цветом нужно изобразить подмышки, тон стекла отдельно для лица, рук, запястий, икр. И для кудряшек!

– Каких кудряшек?

– Тех самых!

На щеках Элли расцвели два нежных розовых пятна.

– Эти заказчики подробно расписали, как именно нужно изобразить их... «мохну и сосиску» с указанием толщины, размера, цвета и тона. Просили уделить пристальное внима-

ние деталям, представляешь? Я пол утра убила на описание того, какими должны быть волоски на лобке, кожа на головке члена, сколько складочек проработать и как низко должны свисать яйца!

Теперь Лайза, позабыв о своих бедах, хохотала в голос.

– Ты это серьезно? И как низко должны были «пасть» его, пардон, яйца?

Элли грозно выпучилась:

– Не больше и не меньше, чем на четыре сантиметра от кончика «ствола»!

– Так там и написано?

– Да! И знаешь, что хуже всего? Что я уже мозг сломала, думая о том, как именно и чем вырезать нужную форму стекла, какие краски разводить, чтобы получить нужный оттенок, и как вообще буду все это... лепить!

– Чужие сиськи, сосиски и мохнашки? И что, придумала?

– Придумала! И как раз в этот момент решила дочитать заказ до конца, где и наткнулась на слова: «Этот липовый заказ я оплачу лично. С Днем Дурака, любимая! Твой Рен». Нет, можешь себе представить? Можешь? Все утро я ломала голову над тем, как либо тактично отказаться от работы, либо воплотить ее без смущения, а оказалось, что заказ – липовый? Думаешь, я теперь откажусь от идеи с супом? А вот ни за что!

Лайза терла умытое лицо, смеялась, нетерпеливо ерзала на стуле и наконец-то пребывала в прекрасном расположе-

нии духа.

– Ну, тогда ждем звонка от Тайры.

– Ага! И заряжаем видеокамеру.

И они звонко чокнулись чайными чашками.

Ани-Ра

Бег – это не только бурлящая в венах кровь, шумящий в ушах пульс, крепкие голени, икры и бедра, прекрасный тонус, стройное тело и хорошее настроение.

Бег – это способность выжить. Если вдруг однажды тебя вновь закинет на странный Уровень, где нужно будет бежать, и бежать так быстро, как только позволят звенящие от шока и адреналина нервы. Например, закинет на Войну.

Ани на Войну не хотела – не опять. Свист пуль до сих пор изредка преследовал ее по ночам – в тех снах где-то рядом рвались гранаты, пальцы сжимали пыльный приклад винтовки, а рядом кто-то орал щербатым ртом «в окопы!». И тогда она вздрагивала и просыпалась в поту, с бешено стучащим сердцем, с осознанием того, что вскоре предстоит рвануть на всех парах – на пузе, на четвереньках или бегом – преодолевать километр за километром – в неизвестность, до следующего убежища.

Облегчение накатывало сразу же, как только дрожащей ладонью она нащупывала рядом огромную и мирно сопящую тушу Дэйна, прижималась к ней, чувствовала, как любимый мужчина рефлекторно протягивает руку, как ласково причмокивает губами, уткнувшись носом в затылок.

Войны больше нет. И хорошо. Хорошо, что страшное осталось позади, сменившись мирной жизнью – размеренны-

ми счастливыми буднями, любимым домом, любимым человеком... И все же, Ани была Войне благодарна – та научила быть начеку: внимательно относиться к мелочам, подмечать важное и не слишком расслабляться даже на гражданке.

И потому Ани бегала. Еще она еженедельно ходила в тир, брала уроки самообороны у своего же медведя, ежевечерне занималась растяжкой позади дома на газоне и, как любой человек, прошедший Войну, настороженно следила за новостями. И если что-то из вышеперечисленного Ани-Ра изредка могла «пропустить» из-за навалившейся вдруг лени, то бег – никогда, ибо бег – это и есть сама жизнь.

Утро началось прекрасно – со стакана свежесжатого сока. Правда, стаканом сока началось не раннее утро, а, скорее, тот ласковый и медлительный промежуток между утром и полуднем, до которого она, изнеженная чьими-то руками ночью, довалялась в постели – уже десять утра, а она все улыбается и потягивается в постели. Лентяйка! Бегать, ей давно пора бегать!

Пришлось подняться.

Дом пустовал. Снайпер забрал Барта в штаб, оставил после себя две пустые тарелки на столе – одну с крошками из-под тостов, другую с разводами жира после яичницы; вокруг собачей миски на полу валялся сухой недоеденный корм.

Сыпанул, как всегда, гору. А она потом выгуливай этого хвостатого увальня.

Но не сегодня. Сегодня ее пробежка состоится позже

обычного и в одиночестве – тоже хорошо.

Умытая, с убранными в хвост волосами, одетая в спортивную майку и короткие шорты, Ани принялась зашнуровать кроссовки.

Музыку она включила еще до выхода из дома. Уже спускаясь по лестнице, воткнула в уши бархатные капельки наушников, отыскала на плеере любимый трек – новый, только вчера нашла в сети, и теперь балдела. Какой вокал, какие ударные, какой ритм – под такой ноги сами превращаются в отбойные молотки и просятся вскачь.

На улице солнце, на улице уже почти жара – добрые люди давно на работе, а Ани топает на стадион – чем ни повод для веселья? Уже почти кипит асфальт, воздух пропитан ароматом скошенной травы (наконец-то сосед «побрлил» свой сад), Летти, как всегда, выгуливает лохматую собачку.

Вокалист протяжно выпевал звук «а-а-а» во фразе «жизнь ведь только началась, жизнь не кончена-а-а», когда Ани впервые показалось, что в музыкальный фон закралась фальшь – некий диссонансный звук. Хм, наверное, в мелодию просто вплелся визг бензопилы, которой неподалеку подрезали ветки. Или какая-то дама позади нее окликнула свою знакомую – мало ли.

Ани прибавила громкости и зашагала еще бодрее – некий звук на фоне все повторялся – «пройдет, – мысленно махнула рукой она, – повод ли, чтобы останавливаться и при-

слушиваться?» Конечно, нет. Утро скоро кончится, утро не ждет.

Находящаяся по ту сторону дороги бабка Летти по какой-то причине смотрела не то на шагающую по тротуару девчонку в шортиках, не то на росшие позади нее раскидистые кусты; собачка в этот момент мочилась на чужую ограду.

Он ее нервировал. Этот длиннотелый долговязый спортсмен в зеленой майке, который едва не пускал слюни всякий раз, когда Ани пробегала мимо. Уже два круга, и все время одно и то же – его голова, как у болванчика, поворачивалась в ту сторону, где бегала (да симпатичная, но ведь чужая!) девушка.

Ничего, пусть только приблизится, она ему тут же всыплет по первое число...

Ранним утром лучше – на беговом треке никого, а теперь, в половине одиннадцатого набралось «спортсменов», понимаешь – одни групповую растяжку делают у спортивного комплекса, другие прыжки через скакалку практикуют на дальнем газоне, а этот... разгильдяй, он тут тренируется или глазеет?

«Разгильдяй», как назло, смотрел ей вслед, не отрываясь.

Нет, точно понравилась. Видимо зря надела короткие розовые шортики и топ, лучше бы задрапировалась в длинные плотные штаны. Но ведь жарко...

Музыка в наушниках грохотала без перерыва. Сразу после любимой композиции началась другая – та, под которую Ани-Ра бегала каждое утро – длящаяся без пауз почти сорок минут. Удобно – и песни разные, и не нужно прерываться, чтобы выудить из кармана плеер, отыскать кнопку, нажать на нее.

Половину круга Ани пронеслась, чувствуя чужой взгляд спиной, затем вновь увидела повернутую к ней голову стоящего на дорожке горе-ухажера. Нет, придется остановиться, объяснить, вежливо попросить, чтобы не наблюдал на ней так пристально – невежливо это и неприлично. Или лучше пробежать мимо? Пусть смотрит, если нравится – за просмотр, как говорится, денег не берут – лишь бы не лез.

Ани остановилась на втором варианте – гавкаться с утра ни к чему (к тому же рука у нее после «Войны» тяжелая и удар меткий), нужно просто выбросить этого идиота из головы. Сейчас пролетит на всех парах мимо, даже взгляда не бросит, задерет подбородок вверх и была такова.

Невнятный звук на фоне песен все повторялся – какой-то странный протяжный не то «ау-у», не то «мя-у-у».

Неужели плеер сломался?

По спине пот, мышцы разгоряченные, ноги пружинят, прорезиненные подошвы равномерно отскакивают от покрытия, а на фоне все «мяв-мяв-мяв». Не успела она как следует задуматься, откуда может идти странный фон, как долговязый парень, к которому она успела приблизиться, вдруг

вытянул вперед руку – словно останавливал такси.

Вот урод!

Ани снизила темп, остановилась в двух шагах от парнишки и с красными от негодования щеками, вытащила из ушей «капельки».

– Ты в курсе, что глазеть на дам неприлично? Нет?

Не гавкаться с утра не вышло. Жест «эй, затормози!» сразил ее наповал.

Парень почему-то смущенно переминался с ноги на ногу в огромных растоптанных кедах, очевидно не знал, куда деть руки и изредка улыбался глуповатой такой улыбкой, какая возникает на лицах в случае крайнего смущения.

– Я... хотел... спросить...

Ани-Ра злилась. Терпеть не могла мужчин, которые мямлят. Вот ее Дэйн – тот бы сразу штурмом и наповал – за то и любила. А когда «Вот... Я... Мы... Мы могли бы...?» – для таких сразу ответ «не могли бы». И плевать, что паренек, в общем-то, симпатичный – темноволосый, высокий, удачный лицом. Занята она. ЗАНЯТА. Влюблена и окольцована.

– Спрашивай. У меня времени в обрез.

Через пару минут мышцы остынут, придется снова стартовать медленно, пульс упадет, жирожигающий эффект схлынет – черт бы подрал этого незнакомца, всю утреннюю пробежку уже почти испортил.

– Я... мог бы... вам помочь.

– Помочь?

Солнце неумолимо карабкалось к зениту. Уже двенадцатый час, душно, а она, как назло, забыла дома бутылку с водой и теперь изнывала от жажды. О какой, черт возьми, помощи он говорит?

– Помочь чем?

Шнурки у нее развязались? Разбита коленка? Тепловой удар? Домой ее – бездыханную – нести не нужно, тогда почему этот субъект все стоит и тянет время?

– Ну, я мог бы... если у меня... Хотите у меня?

Ани медленно зверела изнутри.

У. Него. Что?

Какой-то больной. Если шагнет навстречу, она зарядит ему по яйцам – точно зарядит. И не вспомнит, что пинок у нее точно тяжелый и меткий – поделом тому, кто останавливает взмахом руки незнакомую девчонку, как желтобокую машину такси.

– Ничего не понимаю.

– Ну, вы, – спортсмен вздохнул, не зная, как продолжить, – вы же за «этим» привлекаете внимание?

– За «чем»? И чем?

Ей делалось дурно от глупости ситуации. Что, слишком короткие шорты? Слишком длинные ноги? У кого-то спермотоксикоз?

Раздосадованная тем, что вообще остановилась и вступила в диалог, Ани-Ра переступила с ноги на ногу и тут же услышала странный звук «А-а-а-х», идущий снизу. Просто-

нал явно женский голос. Ани автоматически посмотрела под ноги – что за ерунда?

– Вот... Я же говорю – вы привлекаете внимание.

На незнакомца она даже не взглянула – *не этот ли «мяв» все это время слышался на фоне?* Предчувствуя недоброе, Ани осторожно перенесла вес с подошвы левого кроссовка на подошву правого. «У-а-а-ах» – тут же снова простонала незнакомка, да так сладко, будто испытывала множественный оргазм.

Ани мгновенно покраснела и на несколько секунд приросла к дорожке. Через секунду вновь переступила с ноги на ноги, неспособная поверить, что это ЕЕ кроссовки издают такие неприличные звуки.

«Аа-а-а-а...» – стонала дама на записи, «у-у-у-у...». При чем стонала так, будто ей прямо в попу пытались ввести огромный, смазанный вазелином, член.

Ах ты... Вот же!..

– Дэйн... – прошипела Ани разъяренно и сжала кулаки.

– Я не Дуэйн, мисси... Я – Патрик.

– Гуляй, Патрик, – направила она долговязого миролюбиво, а сама потопталась по дорожке, убеждаясь в том, что в подошвы ее кроссовок кто-то однозначно запихнул механизм, при давлении на который воспроизводилась запись с чьими-то ахами и вздохами.

Черт бы его подрал... Вот же противный! Вот она ему сегодня зарядит, куда не нужно, вот вплетет в косичку колю-

чую проволоку. И ведь где-то нашел такие стоны, будто одну распаленную курицу там имеют сразу три крайне сексуальных самца.

– Так... вы хотите?

Патрик на свою беду не отставал.

– Хочу?

Ани-Ра недобро прищурилась и улыбнулась. Знал бы он, чего она сейчас хочет... Мести. Хорошей, приправленной специями, остренькой и очень продолжительной. Чтобы с наслаждением. Ах, Дэйн, ах, засранец – вот подшутил, так подшутил. Теперь понятно, почему в ее сторону смотрели все, кто хоть краем уха слышал тот звук, который издавали ее спортивные боты. Вот она ему покажет за все хорошее, вот оплатит той же монетой – за стыдобу, за Патрика, за испорченную пробежку. Ох, жди, милый снайпер.

Жди, Ани уже идет к тебе.

Разочарованный отказом Патрик долго смотрел ей вслед.

Всю дорогу домой она старалась наступать либо на тыльную сторону подошв, либо на внутреннюю – тогда датчик давления не срабатывал. Ну, не снимать же обувь и не шуровать босиком? Асфальт горячий и не очень чистый – вдруг осколок? В напеченной солнцем голове крутились планы мести – чего бы такого придумать? Еду пересолить? Клея на стул налить? Положить мелкокалиберную взрывчатку в сумку? Как она вообще могла забыть, что сегодня День Дурака?

Ведь еще какое-то время назад помнила о нем, раздумывала над тем, как позабавиться, когда наступит момент, а пришел момент «X», все почему-то вылетело из головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.